

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 347.51
ББК 67.072

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА «РАСПРОСТРАНЕНИЕ ФЕЙКОВ»: ПРАВОВАЯ, СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ И ИНАЯ ОЦЕНКА

Е. Н. Агибалова

Волгоградский институт управления — филиал РАНХиГС (Волгоград, Россия)

Анализируются и оцениваются нормы о юридической ответственности (преимущественно уголовной) за распространение заведомо ложной информации под видом достоверной, нередко именуемые ответственностью за «распространение фейков», за «фейковые преступления», под которой, в свою очередь, иногда понимают и ответственность за действия по дискредитации использования Вооруженных Сил Российской Федерации. По мнению автора, несмотря на то что в последние годы слово «фейк» вошло в практику русского языка, интеграция этого понятия в юридическую сферу может представлять деструктивные последствия для правовой системы. Выражения «распространение фейков», «фейковые преступления», как и само слово «фейк» (новояз), являются ничем иным, как жаргонизмами, которые были некритично восприняты отечественным юридическим сообществом, а потому должны быть исключены из официально-делового и научного дискурса, учитывая наличие возможности их замены русскоязычными аналогами.

Рассмотрев составы преступлений за так называемое «распространение фейков», автор приходит к выводу, что они являются недостаточно определенными в части объекта посягательства, причинно-следственной связи между этим действием и вредом общественной безопасности, несовершенными в части установления в них, как правило, общего, а не специального субъекта ответственности, а предусмотренная за них ответственность — несоразмерной.

Ключевые слова: заведомо ложная информация, фейк, дискредитация использования Вооруженных Сил Российской Федерации, юридическая ответственность, причинение вреда, общественная безопасность

LEGAL LIABILITY FOR «DISTRIBUTION OF FAKES»: LEGAL, SUBSTANTIVE AND OTHER ASSESSMENT

E. N. Agibalova

Volgograd Institute of Management, branch of RANEPA (Volgograd, Russia)

The article analyzes and evaluates the norms on legal liability (primarily criminal) for the dissemination of knowingly false information under the guise of reliable information, often referred to as liability for “dissemination of fakes”, for “fake crimes”, which, in turn, is sometimes understood as liability for actions to discredit the use of the Armed Forces of the Russian Federation. According to the author, despite the fact that

in recent years the word “fake” has entered the practice of the Russian language, the integration of this concept into the legal sphere can have destructive consequences for the legal system. The expressions “dissemination of fakes”, “fake crimes”, as well as the word “fake” itself (newspeak), are nothing more than jargon that was uncritically accepted by the domestic legal community, and therefore should be excluded from official business and scientific discourse, given the possibility of replacing them with Russian-language analogues. Having examined the elements of crimes for the so-called “dissemination of fakes”, the author comes to the conclusion that they are insufficiently defined in terms of the object of the attack, the causal relationship between this action and harm to public safety, they are deficient in terms of establishing, as a rule, a general, rather than a special subject of responsibility, and the responsibility provided for them is disproportionate.

Keywords: deliberately false information, fake, discrediting the use of the Armed Forces of the Russian Federation, legal liability, causing harm, public safety

Doi: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2025\)4.6](https://doi.org/10.14258/ralj(2025)4.6)

В последние годы в связи с изменением геополитической ситуации, а также в связи с усиливающимися процессами цифровизации, которые входят в повседневный обиход людей, актуализировалась и практика дезинформации, которая существенно влияет на состояние общества и отдельных индивидов в нем. В связи с этим отечественным законодателем был предпринят ряд мер по дополнению уголовного и административного законодательства нормами об ответственности за распространение заведомо ложной информации под видом достоверной. За этими действиями в медиа также закрепилось название «распространение фейков».

Ответственность за появление фейков в России начала вводиться лишь в 2020-х гг. из-за изменений в сфере информационных технологий. Эти изменения привели к резкому росту объемов доступной информации и соответственно к возможностям отдельных индивидов или групп, которым оказываются доступны колоссальные ресурсы для формирования общественного мнения и отдельных точек зрения, в том числе через распространение дезинформации. Социальные сети и мессенджеры стали основными каналами распространения новостей, что значительно упростило процесс распространения информации, в том числе недостоверной, а также обусловило трудности для контроля и опровержения такой информации. В этой связи Н. В. Мисаревич предлагает рассматривать фейковую информацию как новый феномен современной информационной эпохи [1, с. 12–13].

Кроме того, глобальные события, такие как пандемия COVID-19 и межгосударственные конфликты, привлекли внимание к проблемам дезинформации и ее влияния на общественное мнение и безопасность. Перед законодателем возникла неотложная задача реализации мер противодействия нарушению общественной безопасности посредством распространения заведомо ложной информации. Как отмечает Е. А. Ильяшенко, в современном языке такую информацию уже нередко именуют фейком. Конечно же, ложная информация, различные слухи, догадки и домыслы всегда сопровождают жизнь общества. Однако именно в непростые времена социальных потрясений, когда недопустима паника, а важны тотальная дисциплина, сдержанность и терпение, возникла острая потребность ужесточения мер ответственности за распространение недостоверной общественно значимой информации [2]. В этих условиях стало очевидно, что необходимы законодательные меры для защиты общества от негативных последствий так называемых фейковых новостей. Поэтому государственные органы начали активнее разрабатывать и внедрять правовые нормы, направленные на борьбу с распространением ложной информации.

В целом обозначенное в заглавии настоящей статьи «распространение фейков» корректно рассматривать в контексте упомянутых введенных мер юридической ответственности. Введение же такой ответственности в России связано с несколькими важными факторами. Во-первых, увеличившийся объем дезинформации и фейковых новостей, особенно в контексте кризисов и пандемий, может поставить под угрозу национальную безопасность, что государство не может игнорировать. Во-вторых, ложная информация может провоцировать социальные конфликты и нестабильность, что требует правовых механизмов для защиты общества. Третьим фактором является необходимость за-

щиты прав и свобод граждан, так как фейки могут вводить людей в заблуждение и причинять вред как неимущественный, так и имущественный. Все эти аспекты способствовали формированию правовой базы для борьбы с дезинформацией и установлению ответственности за ее распространение.

Рассмотрим статьи уголовного и административного законодательства, в соответствии с которыми «распространение фейков» запрещено. По состоянию на 2025 г. с учетом всех изменений, внесенных в законодательство, основные статьи, в которых устанавливается ответственность за «распространение фейков», содержатся в уголовном законе. Например, чаще всего о такой ответственности ведут речь в контексте ст. 207.1, 207.2, 207.3, 280.3 УК РФ. В юридической литературе даже употребляется термин «фейковые преступления» [3]. Как становится ясно из положения ст. 280.3 УК РФ в структуре всего уголовного закона, родовым объектом перечисленных в ней преступлений является государственная власть, поскольку она находится в разделе X «Преступления против государственной власти», а видовым объектом оказываются основы конституционного строя и безопасность государства в силу ее включенности в главу 29 УК РФ. Объектом же статей 207.1, 207.2, 207.3 УК РФ является общественная безопасность в силу включенности в главу 24 УК РФ.

Как указывалось в заключении к проекту Федерального закона № 464757-7, которым были введены ст. 207.3, 280.3, 284.2 УК РФ, принимаемый закон направлен на предотвращение действий по дискредитации использования Вооруженных Сил Российской Федерации (далее — ВС РФ) и недопущение распространения заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации [4]. Иными словами, общественная безопасность и безопасность государства в контексте «распространения фейков» были мотивированы именно предотвращением действий по распространению ложной информации об использовании Вооруженных Сил РФ. И если ответственность за дискредитацию использования ВС РФ прямо устанавливается ст. 280.3 УК РФ, то непосредственно «распространению фейков» посвящена лишь ст. 207.3 УК РФ. Вместе с тем в отношении составов преступлений, урегулированных во всех перечисленных трех статьях, отмечается, что они являются статьями, которые устанавливают ответственность за «распространение фейков». Об этом написано, например, на официальном сайте Государственной Думы Российской Федерации [5].

В эту же группу статей, которые устанавливают ответственность за «распространение фейков», относят и ст. 20.3.3. КоАП РФ, которая устанавливает административную ответственность за дискредитацию использования ВС РФ. При этом в документах законотворческой деятельности по изменению указанной статьи сами фейки не упоминаются [6].

Обратим внимание на диспозицию ч. 1 ст. 207.3 УК РФ: «Публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации, содержащей данные об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности либо об исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий за пределами территории Российской Федерации в указанных целях, а равно содержащей данные об оказании добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации или войска национальной гвардии Российской Федерации». Как видим, в настоящее время указанная статья претерпела несколько изменений, которые распространили ее действие, помимо ложной информации непосредственно о ВС РФ, также на ложную информацию о добровольческих формированиях, содействующих выполнению задач, возложенных на ВС РФ [7], войска национальной гвардии [8], а также о государственных органах РФ при выполнении полномочий за пределами РФ в перечисленных целях [9].

Среди квалифицирующих признаков, указанных в ч. 2 ст. 207.3 УК РФ, особенно примечателен в контексте рассматриваемого состава преступления признак «с искусственным созданием доказательств обвинения». Как указывают авторы применительно к данному признаку, он направлен в большей мере на интересы правосудия [10]. Поэтому, по всей видимости, под «искусственным созданием доказательств обвинения» имеется в виду создание ложной информации о позиции государственного обвинения в отношении таких действий. Однако технико-юридическое оформление ч. 2 ст. 207.3 УК РФ представляется недостаточно определенным, в связи с чем в контексте ответвен-

ности за «распространение фейков» более целесообразно сосредоточиться на анализе простого состава данной нормы.

Основным действием в ч. 1 ст. 207.3 УК РФ является публичное распространение под видом достоверных сообщений ложной информации, содержащей данные об использовании за пределами РФ вышеперечисленных субъектов (ВС РФ, добровольческих формирований, нацгвардии, государственных органов). В отношении публичного распространения возможны различные формы, однако, как указывают исследователи, на практике для распространения ложных сведений в большинстве случаев используют социальные сети («ВКонтакте», «Одноклассники» и др.), различные мессенджеры (WhatsApp, Viber, Telegram и др.), форумы на сайтах [3, с. 111–112; 10, с. 49]. При этом с субъективной стороны эти сведения должны быть заведомо ложными [11], что также отчасти составляет содержание фейков.

Кроме ст. 207.3 УК РФ, относящейся к исполнению функций ВС РФ, авторы отмечают, что ответственность за «распространение фейков» также предусмотрена ст. 207.1 и 207.2 УК РФ [12]. Действительно, в настоящее время вполне успешно применяется ст. 207.2 УК РФ («Публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия»), которая была введена Федеральным законом от 1 апреля 2020 г. № 100-ФЗ [13]. Аналогичную функцию по противодействию фейкам выполняет и введенная тем же Федеральным законом ст. 207.1 УК РФ, которая устанавливает ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан.

Содержательно ст. 207.1 и 207.2 УК РФ различаются по признаку последствий от преступных действий: состав ст. 207.1 УК РФ является формальным, т. е. для признания данного преступления оконченным достаточно лишь публичного распространения фейков, в то время как состав ст. 207.2 УК РФ оказывается материальным, т. е. для признания его оконченным необходимо наступление тяжких последствий.

Таким образом, в настоящее время юридическую ответственность за «распространение фейков» устанавливают несколько статей, принятых в связи с различными обстоятельствами, происходящими в последние годы. Во-первых, наиболее релевантными понятию фейков являются три статьи: 207.1, 207.2, 207.3 УК РФ. В диспозициях данных уголовных статей, которые исторически были приняты для урегулирования обращения информации в ситуации пандемии и осуществления действий ВС РФ за пределами самой России, непосредственно устанавливается запрет на распространение заведомо ложной информации под видом достоверных сведений. Во-вторых, в настоящее время статьями, устанавливающими юридическую ответственность за «распространение фейков», являются также статьи уголовного и административного законодательства, в которых урегулирована ответственность за действия по дискредитации использования ВС РФ. К таким относятся ст. 280.3 УК РФ и ст. 20.3.3. КоАП РФ. Однако эта группа статей уже «с натяжкой» может быть обозначена в качестве норм об ответственности за «распространение фейков», поскольку конструктивным элементом состава таких деяний не будет заведомо ложная информация.

В связи с этим представляется, что даже на официальном уровне само понятие «фейк» не сводится к распространению заведомо ложной информации. В него также включается и осуществление дискредитации использования ВС РФ. Как следствие, возникает вопрос: релевантно ли распространение такого толкования и на дискредитацию в более широком смысле? То есть корректно ли будет определить в качестве «производства» фейков случаи оскорбления или клеветы в смысле их толкования нормами административного и уголовного законодательства, а также случаи распространения порочащих честь, достоинство и деловую репутацию сведений по смыслу ст. 152 ГК РФ?

В литературе встречается расширительное толкование составов некоторых преступлений, так или иначе связывающее их с распространением фейков. Например, в статье В. М. Харзиновой и Г. Г. Небратенко в контексте вреда от распространения заведомо ложной информации рассматривается именно состав преступления, установленный в ст. 128.1 УК РФ, то есть клеветы. По мнению авторов, несмотря на то что прямо фейком клеветнические действия по распространению заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию,

не называются, но под родовое понятие «распространение заведомо ложной информации», синонимичное распространению фейков, они подходят [14].

Отсюда следует, что в юридической сфере «распространение фейков», да и само понятие «фейк» является весьма трудноприменимым. Стоит согласиться с тем, что слово «фейк» вошло в практику русского языка в последние годы. Тем не менее представляется, что интеграция этого понятия в сферу юриспруденции может иметь деструктивные последствия для правовой системы по нескольким причинам.

Во-первых, наше вышеизложенное рассуждение подчеркивает тот факт, что рассматриваемое понятие является весьма неопределенным. Система же права основывается на принципе правовой определенности, который позволяет четко и справедливо разграничивать права и обязанности лиц. Если попытаться как-то подвергнуть понятие «фейк» правовому регулированию, может сложиться и в праве такая же неопределенность, которую мы наблюдаем в контексте освещения этой реальности в средствах массовой информации (СМИ).

Во-вторых, в западной юридической традиции, в том числе в российском праве, уже существуют нормы, которые регламентируют распространение недостоверных сведений, как-то: клевета или защита чести, достоинства и деловой репутации. Даже если принципиально иметь в виду распространение заведомо ложной информации, то оказывается, что и до принятия соответствующих изменений в уголовное и административное законодательство ее распространение вполне корректно было бы квалифицировать и по иным, уже существующим статьям в зависимости от объекта посягательства. Более того, если рассматривать составы преступлений, установленных ст. 207.1 и 207.3 УК РФ, с точки зрения видового объекта преступления, то получится, что данные статьи нацелены на защиту общественной безопасности от соответствующих посягательств. И если в контексте ст. 207.2 УК РФ за счет того, что в этом случае состав является материальным, связь с общественной безопасностью оказывается более-менее понятной, то в случае формальных составов, установленных в ст. 207.1 и 207.3 УК РФ, она не совсем понятна.

Характерно, что в юридической литературе или в официальных заявлениях от лица законодателя или иных государственных органов ограничиваются в лучшем случае стандартными заявлениями о возможном вреде от распространения заведомо ложной информации, однако на прямую причинно-следственную связь между этими действиями и вредом общественной безопасности не указывается. Чаще всего вовсе не объясняется, какой объект призваны защитить новые нормы уголовного закона и как это должно происходить. Кроме того, поскольку ст. 207.3 и 280.3 УК РФ были механически добавлены в тот законопроект, который вносился в Государственную Думу для решения вопроса об уголовной ответственности за призывы к введению мер ограничительного характера в отношении Российской Федерации, граждан РФ либо российских юридических лиц (ст. 284.2 УК РФ), даже на уровне пояснительной записки к законопроекту не оказалось конкретных аргументов, каким образом соответствующие нормы будут защищать общественную безопасность. Постфактум на официальном портале Государственной Думы была приведена цитата ее председателя о том, что эти статьи нужны для защиты солдат, офицеров, а также для «защиты правды» [15]. Такая аргументация представляется весьма расплывчатой. Неясно, что именно все-таки уголовным законом защищается, а также какова реальная специфика той информации, которая квалифицируется в качестве фейка.

У каждой статьи УК РФ в силу уже упомянутого общеправового принципа правовой определенности, а также отраслевых принципов справедливости и индивидуализации уголовного наказания и общей тенденции на снижение репрессивного воздействия уголовного законодательства должен быть свой объект. Если защищается «правда», то следовало бы объяснить, каким образом эта правда попирается.

Кроме того, если продолжить рассмотрение конструкций проанализированных нами статей УК РФ, в частности ст. 207.1, 207.2, 207.3, то оказывается весьма сомнительным установление в них, как правило, общего, а не специального субъекта ответственности. Иными словами, по логике этих норм абсолютно любой человек, который (гипотетически) только начал вести социальные сети, у которого подписчиков очень мало или совсем нет, своей записью у себя на стене или в своем блоге каким-то образом может повлиять на «правду», на действия или восприятие людей. Такая оценка оказы-

вается крайне несоразмерной. Дело в том, что если кто-то и может повлиять в информационном поле на «правду», то это лишь те субъекты, в чьих руках сосредоточены существенные информационные ресурсы. Например СМИ или государственные органы. У СМИ хотя бы есть выход на широкую аудиторию, а у государственных органов и их должностных лиц имеется авторитет, который также может придаваться их заявлениям. Поэтому даже в условиях той минимальной аргументации, которая приводится как бы попутно, рассматриваемые конструкции составов преступлений за «распространение фейков» оказываются неопределенными, а устанавливаемая ответственность — несоразмерной.

Развивая наши соображения насчет некорректности использования конструкции общего субъекта в перечисленных статьях, если и не ограничивать действие рассматриваемых норм лишь СМИ и государственными органами, поскольку в социальных сетях действительно возможны дезориентирующие граждан новости, то было бы рационально не распылять ограниченные государственные правоохранные ресурсы на всех без исключения пользователей социальных сетей, но иметь в виду именно тех лиц, у кого есть соответствующие информационные ресурсы, которые могут быть использованы для причинения вреда общественной безопасности. Правовая основа для определения таких лиц уже существует. Так, например, в связи с изменениями в законодательстве о связи Роскомнадзор обязали вести реестр владельцев страниц в социальных сетях с аудиторией более 10 тыс. человек [16]. Представляется, что ограничение круга субъектов рассматриваемых преступлений именно до таких лиц было бы, во-первых, более справедливым с точки зрения возможности их реального влияния на медиополе. А во-вторых, это будет более релевантно и для правоохранительных органов, которые не станут тратить силы и время на отслеживание малозначительных деяний субъектов без какой-либо устойчивой аудитории.

Помимо субъекта фейкового преступления, определенные вопросы остаются по отношению к его объекту и общественной опасности рассматриваемого деяния. Остается все же не вполне проясненной причина, почему следует ограничивать ложную информацию. Представляется, что для понимания причины таких ограничений следует исходить из модели информации как некоторого акта коммуникации, с присущими ему элементами: адресант и адресат такой информации, а также собственно ее содержание. С адресантом (создателем или распространителем) такой ложной информации мы определились и выявили, что чем больше и устойчивее аудитория, тем больше потенциальных деструктивных последствий может быть, в том числе для общественной безопасности. Однако и статус адресата ложной информации является значимым для определения общественной опасности деяния.

Если ложную информацию увидит средний, рядовой гражданин, что ему помешает ее проверить? Даже если мы будем исходить из того, что использование медиа существенно увеличивает риски от негативного влияния такой информации, корректно будет признать, что увеличение в данном случае будет происходить лишь по количественным, а не по качественным параметрам. Например, если ложную информацию увидят несколько рядовых граждан, то какую опасность, помимо засорения их приватного информационного поля, это будет нести? В данном случае существенно, чтобы эффект от такого распространения все-таки был публичным, а не приватным, потому что само по себе распространение в глобальной сети еще не означает влияния на публичную сферу. Как пишет М. Маклюэн в своих работах по исследованию медиа, с появлением электронных средств связи земной шар «сжался» до размеров деревни, что он обозначает термином «глобальная деревня» [17, с. 20–25; 18]. Поэтому для адекватной оценки опасности деяния важно отличать количественное возрастание адресатов информации от ее качественной оценки ими. Если такое увеличение не изменит ничего, кроме их приватного цифрового пространства, то и признаку общественной опасности это не будет отвечать.

Другое дело, если такая недостоверная информация доходит до лиц, принимающих значимые государственные решения. Например лиц, от которых зависит использование вооруженных сил, формирований или их части, либо же государственных ресурсов. В данном случае доходящая до них недостоверная информация будет иметь не количественные, а качественные последствия. Поэтому для таких случаев вполне обоснованно было бы вводить ответственность. Тем не менее, во-первых, ответственность за информирование таких людей явно лежит на других субъектах. Во-вторых, обычно к должностным лицам, принимающим решения об использовании легитимной государственной

силы или государственных ресурсов, даже на законодательном уровне предъявляются более высокие требования, например к их образованию, что предопределяет по умолчанию их возможность проверить такие недостоверные сведения. В-третьих, если должностное лицо будет принимать решения, основанные на таких ложных новостях из социальных сетей, а не на информации, которую оно может получить посредством проверки, реализации полномочий по запросам к другим должностным лицам или органам, а также не используя свои компетенции, полученные в системе отечественного образования, то ответственность за некорректное решение должна ложиться на него, а не на тех, кто распространил определенную новость в социальных сетях.

Спорный характер нововведений в уголовное и административное законодательство заключается также еще и в том, что сами по себе социальные сети являются пространством загрязненным, о чем свидетельствует широко известная концепция цифровой гигиены. Так, если бы цифровая среда не была по умолчанию пространством загрязненным, не было бы и необходимости соблюдать гигиену. Даже на сайте «Российской газеты» указывается на необходимость именно профилактических мер, которые должны соблюдать обычные пользователи глобальной сети [19]. И как бы государство ни хотело, оно не сможет полностью сделать чистым это цифровое пространство по тем же причинам, по которым невозможно физически очистить пространство всей территории РФ, чтобы оно не представляло угрозы для здоровья граждан. Однако рассмотренные нами нормы, направленные на запрет «распространения фейков», выглядят именно как мера из этого разряда: не организовать культуру цифровой гигиены, а репрессировать тех, кто в условиях непрекращающейся «цифровой дизентерии» продолжает здороваться «грязными руками», если представить это метафорически. Некоторое сходство можно заметить также и со средневековой практикой лечения чумы огнем, а не устранением причин ее появления. Насколько такие методы эффективны и будут ли они релевантны тем опасностям, от которых законодатель хочет защитить определенных субъектов, — неясно.

Безусловно, технически в Особенную часть УК РФ возможно включить абсолютно любую статью и любое деяние представить в качестве преступления через законодательные изменения. Однако в таком случае окажется не вполне ясной роль общественной опасности как признака уголовно-наказуемого деяния. Общественная опасность фактически будет приравнена к противоправности, что не может быть признано соответствующим принципам уголовного законодательства.

Наконец, следует затронуть еще один весьма противоречивый момент, который в целом корреспондирует с нашими аргументами против введения в систему законодательства и даже в обоснование отдельных норм любых упоминаний о фейках. Напомним, что в 2023 г. широкий резонанс вызвало рассмотрение законопроекта об изменениях в Федеральный закон «О государственном языке», связанных с запретом использования иностранных слов в ситуации, когда существует русскоязычный аналог [20]. В ходе обсуждения данного законопроекта отдельными депутатами Государственной Думы РФ даже подчеркивалось, что с таким запретом возможно избавиться от «лакейского сурижика», как обозначалось ими использование иностранных слов, которые можно заменить русскими аналогами. Этот аргумент корректно применить и ко всей ситуации с ответственностью за «распространение фейков».

«Фейк» — это иностранное слово, которое имеет аналоги в русском языке. А потому, исходя из этой логики, не может быть и речи о том, чтобы как-то обсуждать ответственность за «распространение фейков» ни на государственном уровне, ни в научной литературе. И заявления некоторых юристов о том, что «в современном языке такую информацию уже нередко именуют фейком» [2, с. 187], не могут служить аргументом для допущения в научный или официально-деловой дискурс такого рода понятий. Во-первых, некорректно вести речь про «современный язык» без его национальной относимости. Так, в современном русском языке ложную или недостоверную информацию всегда называли ложной и недостоверной. Если появился отдельный жаргон, в котором такая информация обозначается понятием «фейк», то это не значит, что такие наименования возможно использовать в официальных заявлениях или научной литературе (кроме филологической или лингвистической научной литературы, направленной на исследование жаргонизмов). Есть множество жаргонов, в том числе относящихся к уголовно-правовой сфере. И если начать использовать язык, например, тюремных понятий, то смысл науки и практики уголовного права автоматически аннулируется. «Фей-

ки» в современном русском языке являются ничем иным, как новоязом [21], а потому их использование так же вредно, как и иных жаргонных слов при наличии аналогов в официально-деловом или научном стилях русского литературного языка.

Помимо аргументов о деструктивности для системы права, а также о невозможности использования жаргонных слов в юридическом дискурсе, также отметим и бессодержательность данного понятия. Так, действительно, устоявшееся словосочетание для практики распространения ложной информации, которое синонимично исследуемым нами фейкам, — это распространение так называемых «fake news», то есть ложных новостей. Часто ложные новости рассматривают наряду с дезинформацией и пропагандой. Причем они не сводятся ни к одному, ни к другому. Эти новости привлекают внимание, поскольку подтверждают политические предрассудки и взгляды аудитории, помогая людям находить подтверждение своей точки зрения. Многие считают, что социальные сети, выбирая контент на основе пользовательских предпочтений, создают эффект поляризации, который делает людей более уязвимыми к таким манипуляциям. Определенные субъекты могут использовать это в своих интересах, создавая провокационный контент, который быстро распространяется в интернете, что также может быть обозначено термином «астротурфинг» (маскировка искусственной общественной поддержки под реальную общественную инициативу) [22].

Ложные новости чаще всего не попадают под определение дезинформации или пропаганды, поскольку их основным движущим фактором обычно являются деньги, а не политика, и они редко связаны с более широкими стратегиями. Так, дезинформация — это понятие, которое стало актуальным относительно недавно. Большинство экспертов связывают его возникновение с 1950-ми гг., когда советские исследователи охарактеризовали дезинформацию как «распространение ложных сообщений (в печати, на радио и т.д.), цель которых — ввести общественность в заблуждение». Некоторые исследователи считают, что этот термин впервые появился в нацистской Германии в 1930-х гг. В любом случае слово «дезинформация» намного новее и используется реже, чем слово «пропаганда», которое вошло в употребление еще в 1600-х гг. и обычно обозначает выборочное представление информации для достижения политических целей [23].

Таким образом, выражения «распространение фейков», «фейковые преступления», как и само слово «фейк», являются ничем иным, как жаргонизмами, которые были некритично восприняты отечественным юридическим сообществом: лицами, занимающимися как законодательной, так и правоприменительной деятельностью [24], а также некоторыми представителями научного корпуса. Аргументы, которые были нами приведены в данной статье о вреде их употребления для системы отечественного права, а также о несовершенстве норм об ответственности за распространение заведомо ложной информации, можно описать кратко следующим образом. Во-первых, это не отвечает принципу правовой определенности, так как само слово «фейк» является неопределенным для русского литературного языка. Во-вторых, западная правовая традиция, к которой относится и Россия, не содержит такой самостоятельной конструкции, как «фейк». В этой традиции есть такие более устоявшиеся понятия, связанные с распространением ложной информации, как клевета, опорочение чести, достоинства и деловой репутации, или менее устоявшиеся понятия, используемые в уголовном и административном законодательстве, связанные с информационными правонарушениями, как-то: незаконное распространение персональных данных, публичное незаконное распространение данных, составляющих коммерческую или государственную тайну, распространение сведений, противоречащих общественной нравственности, или информации, причиняющей вред здоровью и развитию детей. И в-третьих, сами конструкции рассмотренных составов преступлений оказываются весьма сомнительными, прежде всего в части субъекта ответственности, так как им может оказаться пользователь, совершенно не имеющий устойчивой аудитории, но попросту допустивший определенные высказывания в информационно-телекоммуникационной сети, в то время как основные риски представляют именно пользователи, имеющие существенные информационные ресурсы (значительную аудиторию, возможность ее конвертации из одной сети в другую, территориальный охват, возможность попадания в «рекомендации» сетей). Вообще нуждается в оценке корректность возложения ответственности только на распространителя ложной информации, а не на того, кто владеет средствами цифровой гигиены, но не применяет их. А с точки зрения об-

щественной опасности оказывается не вполне ясным, кому именно может быть причинен вред распространением заведомо ложной информации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Мисаревич Н. В. Правовые средства противодействия фейковизации (на примере республики Беларусь) // Российско-Азиатский правовой журнал. 2005. № 1. С. 12–17.
2. Ильяшенко Е. А. Уголовно-правовая характеристика публичного распространения заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан // Юрист-Правовец. 2022. № 4. С. 187–191.
3. Семенцов В. А. Обстоятельства, необходимые для квалификации деяния по уголовным делам о распространении фейков, и некоторые особенности их доказывания // Российско-Азиатский правовой журнал. 2005. № 1. С. 110–117.
4. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: законопроект № 464757–7 // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/464757-7> (дата обращения: 16.06.2025).
5. Приняты поправки об ответственности за фейки о работе госорганов РФ за рубежом // Сайт Государственной Думы РФ. URL: <http://duma.gov.ru/news/53773/> (дата обращения: 16.06.2025).
6. О внесении изменений в статьи 8.32 и 20.3.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: законопроект № 9732–8 // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/9732-8> (дата обращения: 16.06.2025).
7. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 18.03.2023 № 58-ФЗ // СЗ РФ. 2023. № 12. Ст. 1871.
8. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 25.12.2023 № 641-ФЗ // СЗ РФ. 2024. № 1 (часть I). Ст. 22.
9. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 25.03.2022 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 2022. № 13. Ст. 1952.
10. Кашин В. С. Особенности квалификации публичного распространения заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации, исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий (статья 207.3 УК РФ) // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2022. № 4. С. 46–51.
11. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.04.2020) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 6.
12. Жук О. Д. Об уголовной и административной ответственности за распространение фейков о действиях Вооруженных Сил РФ и за публичные призывы к введению санкций против России // Законодательство. 2022. № 4. С. 65–70.
13. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 01.04.2020 № 100-ФЗ // СЗ РФ. 2020. № 14 (часть I). Ст. 2030.
14. Харзинова В. М., Небратенко Г. Г. Криминалистическая характеристика умышленного распространения заведомо ложной информации в СМИ и телекоммуникационных сетях // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 2 (96). С. 88–93.
15. Вводится ответственность за распространение фейков о действиях ВС РФ // Сайт Государственной Думы РФ. URL: <http://duma.gov.ru/news/53620/> (дата обращения 16.06.2025).
16. О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 08.08.2024 № 303-ФЗ // СЗ РФ. 2024. № 33 (часть II). Ст. 4999.
17. Маклюэн М. Галактика Гутенберга: Сотворение человека печатной культуры. Киев, 2004. 432 с.

18. Карнаушенко Л. В. «Глобальная деревня» как новая форма социальной организации постиндустриального общества и фактор угрозы государственному суверенитету // *Философия права*. 2016. № 2. С. 38–41.
19. Цифровая гигиена // *Российская газета*. URL: <https://rg.ru/2024/01/05/cifrovaia-gigiena.html#1> (дата обращения: 16.06.2025).
20. О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации»: законопроект № 221977–8 // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/221977-8> (дата обращения: 16.06.2025).
21. Олешкова А. М. «Новояз» как способ дискурсивного конструирования идентичности // *Общество: философия, история, культура*. 2023. № 4. С. 68–73.
22. Ratkiewicz J., Conover M., Meiss M. et al. Detecting and Tracking Political Abuse in social media // *Fifth International AAAI Conference on Weblogs and Social Media*. 2011. Vol. 5, No. 1. P. 297–304.
23. Boghardt T. Soviet Bloc Intelligence and Its AIDS Disinformation Campaign // *Studies in Intelligence*. 2009. Vol. 53, No. 4. P. 13–14.
24. Ответственность за распространение фейков о действиях российских военных // Сайт Министерства внутренних дел РФ. URL: <https://мвд.рф/фейки> (дата обращения: 16.06.2025).